

Рафалович Сергей Львович

Женские письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Львович Р.**
Женские письма / Рафалович Сергей Львович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 143 с.

ISBN 978-5-519-80376-2

ISBN 978-5-519-80376-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТЕТЯ МАРЬЯ.

ТЕТЯ МАРЬЯ.

Ты хорошо сдѣлала, милая моя Таня, что не пріѣхала ко мнѣ, а написала мнѣ. Между нами нѣтъ той близости, которая позволила бы тебѣ просто, ясно и подробно рассказать все, чѣмъ ты страдаешь, а мнѣ отвѣтить съ той откровенностью, съ которой я хочу отвѣтить тебѣ.

Я внимательно и сочувственно прочитала и перечитала твое письмо... Поступи такъ же съ моимъ... Вспомни все, что вокругъ тебя всѣми и всегда говорилось о старой тетѣ Марьѣ—ибо я была уже не молода, когда ты родилась, — вспомни все это, и все, что ты сама видѣла и поняла. И если не слишкомъ много любви найдешь ты въ этихъ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ, то въ нихъ по крайней мѣрѣ окажется достаточно уваженія и почтенія, чтобы побудить тебя отнестись къ моимъ признаніямъ и совѣтамъ съ должнымъ вниманіемъ и довѣріемъ...

Милая моя дѣвочка, если бы ты только могла знать, какъ настоящая тетя Марья не похожа на ту, которую всѣ знаютъ... если бы ты могла видѣть, какъ я плакала надъ тобой... если бы ты могла угадать, какъ ты мнѣ стала близка послѣ твоего письма...

Вѣдь твое горе—мое горе; твое разочарованіе—мое разочарованіе; твой романъ—лишь повтореніе моего. Тотъ же горячо любимый женихъ, то же радостное ожиданіе свадьбы, та же внезапная горестъ разоблаченій и неожиданное проникновеніе въ его прошлое.

То же чувство омерзѣнія, стыда, досады и отчаянія передъ грязью жизненныхъ привычекъ, компромиссовъ... Не

всякому дано со всѣмъ мириться... Терпимость скорѣе удѣлъ старости, чѣмъ юности, опыта, чѣмъ неопытности...

Я чувствовала и страдала, какъ ты, и какъ ты отказала жениху и отказалась навѣкъ отъ любви и брака, какъ ты хочешь отказаться...

Я отказалась тогда, давно, въ минуту озлобленія и отчаянія, и не измѣнила себѣ.

Такая твердость въ годы, когда искушенія могли быть многочисленны и сильны, окружила меня обаяніемъ чего-то исключительнаго и вызвала ко мнѣ уваженіе въ людяхъ, которые всегда предпочитаютъ почитать въ другомъ то, на что они сами не способны, чѣмъ послѣдовать его примѣру...

Теперь я старая женщина; для меня давно уже не стало искушеній, и въ томъ, что я доживаю свой вѣкъ въ уединеніи и одиночествѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, достойнаго уваженія и похвалы.

Но жизнь проходитъ не урывками, не скачками, не разбиваясь на отдѣльныя части, а плавно и безостановочно, и люди не умѣютъ отрѣшиться отъ нея, чтобы объять ее въ ея истинномъ значеніи, и все, что создалось и установилось однажды, по инерціи, по косности нашей, продолжаетъ существовать и казаться вѣрнымъ и своевременнымъ.

Для чужихъ, для знакомыхъ, для родныхъ я была и осталась тетей Марьей, почтенной, строгой, уважаемой... Меня мало любили. Чѣмъ больше уважали, чѣмъ почтительнѣе относились, тѣмъ меньше любили... Я казалась непогрѣшимой, добродѣтельной и строгой къ себѣ и къ другимъ... Какимъ-то земнымъ совершенствомъ и воплощеніемъ земныхъ добродѣтелей...

Но страннымъ образомъ люди, которые только и говорятъ о добродѣтеляхъ и призываютъ другъ друга къ нимъ, какъ-то пугаются ихъ строгаго облика, чуждаются ихъ близости, и чужды любви къ нимъ. Можетъ быть, сознаніе собственныхъ недостатковъ унижаетъ ихъ, и самолюбіе препятствуетъ любви...

А можетъ быть тутъ происходитъ нѣчто иное...

Можетъ быть, все, что мы говоримъ о добродѣтеляхъ—только ложь, все, что мы думаемъ о нихъ, только при творство, вошедшее въ привычку, и онѣ намъ нужны только для того, чтобы умѣрять насъ и сдерживать, не имѣютъ самостоятельной цѣнности и не являются сами по себѣ цѣлью. И поэтому всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ человека, посвятившаго себя служенію имъ, воплотившаго въ себѣ какую-нибудь изъ нихъ, въ насъ сталкиваются два теченія, два чувства, двѣ правды: одна—правда привычки, словъ, формъ, другая—правда жизни, живыхъ потребностей и стремленій, вложенныхъ въ человека. Первая заставляетъ насъ почитать то, что мы постоянно объявляемъ достойнымъ уваженія; вторая съ нѣмымъ осужденіемъ отвергаетъ насъ отъ того, что противорѣчитъ истинному назначенію нашему на землѣ...

Не удивляйся моимъ рѣчамъ... Я не всегда говорила и думала такъ... И ты скоро узнаешь, отчего я перемѣнилась...

Я пользовалась большимъ вліяніемъ въ своемъ кругу, а въ семьѣ мой авторитетъ былъ прямо безпредѣленъ и неоспоримъ. Я была нравственно главой семьи... Къ тому же, за смертью родителей я стала старшимъ членомъ ея, ибо всѣ мои братья и сестры, родные и двоюродные, были гораздо моложе меня.

Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, во всѣхъ серьезныхъ затрудненіяхъ, всегда, когда нужно было принять серьезное рѣшеніе, обращались ко мнѣ. Ни одинъ бракъ родныхъ не состоялся безъ моего согласія. Это вошло въ обычай, стало неизбѣжнымъ и необходимымъ, и мое присутствіе на семейныхъ торжествахъ было чѣмъ-то ритуальнымъ.

Сколько ссоръ я уладила, сколько глупостей помѣшала совершить, сколько наставленій, правоученій и совѣтовъ раздала кругомъ.

И если ты тоже обратилась ко мнѣ въ трудную минуту, искала у меня поддержки и совѣта, то главнымъ образомъ въ силу семейнаго чувства. Отчасти же побуждало тебя то, что тебѣ было извѣстно о причинахъ, заставившихъ меня отказаться отъ брака и любви.

Мнѣ думается, что твои родители, да и не только они, не особенно радуются твоему намѣренію уйти въ монастырь, и ты надѣешься на мое вліяніе, чтобы заставить ихъ примириться съ твоимъ рѣшеніемъ.

Посмотримъ... Я въ монастырь не ушла, и не особенно сочувствую такому затворничеству... Но въ концѣ концовъ это вопросъ второстепенный...

Главный вопросъ въ томъ, правильно ли ты поступаешь, слѣдуя моему примѣру по причинамъ тождественнымъ съ тѣми, которыя повліяли на меня?

Вся моя жизнь, окруженная внѣшнимъ почетомъ, уваженіемъ, ореоломъ честности, твердости, нравственной высоты, отвѣчаетъ тебѣ утвердительно.

Красиво и достойно остаться вѣрнымъ себѣ до конца, несмотря ни на что, побороть въ себѣ всѣ слабости, не

пойти на уступки, не унижить нравственного чувства ради мгновенныхъ прихотей.

Все это такъ... И краснѣть мнѣ не приходится, и со спокойной совѣстью, открыто и смѣло я могу оглянуться на пройденный путь и гордо продолжать его до положеннаго мнѣ предѣла...

Такой всѣ видятъ меня, и ты видишь, и я сама себя видѣла... слышишь ли ты: видѣла... но не вижу...

Не вижу болѣе со времени исторіи, о которой ты, вѣроятно, слышала и главнымъ героемъ которой былъ твой двоюродный братъ Павелъ...

Я должна тебѣ подробно рассказать, что произошло и какъ я со всѣмъ этимъ столкнулась.

Горе, испытанное тобою, твои страданія и серьезное рѣшеніе, назрѣвшее въ тебѣ, сдѣлали изъ невинной и неопытной дѣвочки—женщину, чловѣка, съ которымъ можно говорить о жизненныхъ дѣлахъ откровенно и безъ стѣсненія... Въ особенности, когда говоритъ старая тетя Марья...

Павелъ былъ всегда моимъ любимымъ племянникомъ. Ты хорошо его знаешь и, вѣроятно, оцѣнила его блестящія способности, острый умъ и необыкновенную проницательность. Онъ какъ-то угадываетъ людей и подмѣчаетъ въ нихъ такія тайныя движенія и настроенія, которыя не всегда ясны для нихъ самихъ.

При этомъ онъ унаслѣдовалъ отъ отца живой, горячій темпераментъ, рѣдкую жизнерадостность и сильно развитое чувство бытія.

Чувство бытія... это его собственное выраженіе, и я невольно воспользовалась имъ... Чувство бытія—самое драго-

цѣнное, самое отрадное, самое прекрасное изъ всѣхъ нашихъ чувствъ... Его менѣ всего знаютъ, менѣ всего ищутъ, менѣ всего цѣнятъ... И ты... И я... прежде...

При такомъ складѣ характера Павелъ не могъ не увлекаться, то въ одну, то въ другую сторону, не выходить изъ рамокъ того, что считается правильнымъ, позволительнымъ, допустимымъ, не приводить въ смущеніе и отчаяніе семью. Родителямъ не легко было съ нимъ совладать и не разъ пришлось мнѣ укорять и наставлять маленькаго сорванца, который ко мнѣ искренно привязался...

Но время шло, сорванецъ выросъ, оперился, нырнулъ, какъ онъ говоритъ, въ глубь жизни, чтобы сразу научиться плавать...

Студенческіе его годы были очень бурные... Слишкомъ бурные даже по мѣрѣ его отца...

И завершились они крупной исторіей...

Павелъ увлекся одной нашей дальней родственницей... Я говорю про Лиду... Она была очень несчастна дома, такъ какъ мачеха ее терпѣть не могла. Кромѣ того первая любовь ея была неудачной... Она влюбилась въ человѣка, который оказался женатымъ... И подавленная и убитая согласилась на бракъ, предложенный ей отцомъ, которымъ безпрекословно руководила молодая жена... Мужъ ея оказался грубымъ пошлякомъ, но богатымъ и съ извѣстнымъ положеніемъ... Чуткая, отзывчивая, интеллигентная Лида страдала молча... Она оставалась вѣрна мужу, вела себя безукоризненно и снискала всеобщее сочувствіе и уваженіе...

Положеніе мужа обязывало ихъ жить открыто, много принимать, выѣзжать...

Неудовлетворенность внутренняя имѣла противовѣсъ во внѣ.

И Лидѣ научилась понемногу цѣнить то, что ей было дано.

Ея положеніе похоже было на мое...

Жизнь устроилась не сообразно ея мечтамъ, но соотвѣтственно требованіямъ нравственнаго чувства. И она нѣ стала за это вдвое ближе и милѣе.

Поэтому я не могла не обратить вниманія на ухаживанія Павла, на его горячее увлеченіе ею, которое вскорѣ сдѣлалось взаимнымъ.

Павелъ изъ тѣхъ счастливецъ, чьи увлеченія заразительны...

О немъ и о Лидѣ начали потихоньку поговаривать, и я его вызвала къ себѣ...

Объясненіе было долгое и бурное.

Всѣ мои увѣщанія оказались безсильными...

Тогда я оставила почву разума и перешла въ область чувства, стараясь разжалобить его доброе сердце...

Я ему нарисовала яркую картину жизни Лиды прошлой и настоящей, указала на все то, что она поборолѣ въ себѣ, на положеніе, которое она себѣ создала, на уваженіе, которымъ себя окружила, на то, что она обманулась въ своихъ надеждахъ и мечтахъ и дорогою цѣною купила себѣ спокойную совѣсть, чистую отъ угрызений, дающую ей право высоко держать голову и считать себя порядочной женщиной. Въ этомъ было ея единственное утѣшеніе и удовлетвореніе, и лишѣть ее этого было бы непростительно жестоко и безсердечно. Но Павелъ не поддавался. Онъ только отрицательно качалъ головой и очевидно хотѣлъ и

не рѣшался что-то сказать. Онъ всегда отличался откровенностью, и это меня удивило.

Не зная, чѣмъ на него подѣйствовать и повліять, я перебирала все уже сказанное и какъ-то незамѣтно для себя начала сближать судьбу и положеніе Лиды съ моею судьбою и перешла къ себѣ. Я рассказала Павлу, какъ горько и больно было мнѣ когда-то, какъ трудно было не пасть и не измѣнить до конца, насколько я чувствую себя награжденной теперь за все прошлое, за все, чего я лишила себя, отъ чего отказалась, какое это отрадное чувство сознавать свою правоту и свою безупречность.

Павелъ не выдержалъ.

«А кто вамъ сказалъ, что вы правы и безупречны?»

Я оторопѣла. «Какъ, кто сказалъ? Да всѣ... Да я сама знаю... Моя совѣсть...

Онъ какъ-то рѣзко и желчно разсмѣялся.

«Всѣ... это все равно, что никто... потому что кто же кромѣ васъ судья тому, что для васъ правильно и хорошо?.. А ваша совѣсть вамъ сказала бы правду, если бы вы умѣли прислушаться къ ней... Но вы не умѣете... потому что съ дѣтства васъ... всѣхъ... приучали прислушиваться не къ голосу совѣсти, а къ отзвуку въ васъ общественнаго мнѣнія, традицій, условностей, общихъ мѣстъ...

Я сидѣла, и слушала, и не понимала его.

«Вы въ минуту разочарованія и раздраженія, вызваннаго тѣмъ, что ваше представленіе о жизни оказалось несоответствующимъ жизни, отказались отъ нея, лишили себя участія въ ней, отошли въ сторону, стали на возвышеніи и цѣлые десятки лѣтъ только смотрѣли, какъ проходитъ